

**ПОСТПРАВДА И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОРЫ
КРИЗИСА ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
И ОБРАЗОВАНИЯ: О НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ
АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ДИСКУССИЙ***

В. А. Гуторов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье анализируются итоги новейших теоретических дискуссий в западной политической теории, участники которых исследуют специфические особенности формирования неолиберального дискурса «постправды», разрушающего традиции рациональной политики и основы гуманистической парадигмы образования, сформировавшейся в эпохи европейского Возрождения и Просвещения. В современном мире классический гуманизм резко контрастирует с политическими реалиями и идеями, превалирующими в социальных дискурсах, в том числе и в сфере социальных наук. В наши дни многие интеллектуалы, политики и ученые считают почти непреложным факт, что мы все окончательно переместились в мир «постправды» и «постгуманизма» и поэтому должны примириться с бесконечными потоками лжи, манипуляций, бессодержательной пропаганды, предельно примитивизирующей сложившиеся представления о демократических нормах и институтах, и попытаться разработать понятийный аппарат, отражающий новую реальность. Вместе с тем современные концепции постправды во многих своих аспектах развивают идеи, возникшие еще на рубеже 1960–1970-х годов, когда контуры «постмодернистского поворота» лишь намечались в западном политическом дискурсе. Более того, исторические истоки современного феномена постгуманизма восходят к контрреволюционной идеологии и философской полемике с наследием Великой французской революции и Просвещения, которая была инициирована на рубеже XVIII–XIX вв. в трудах «отцов-основателей» современного консерватизма — Жозефа де Местра и Луи де Бональда. После Второй мировой войны интеллектуальная атака на гуманизм стала одной из отличительных черт французского структурализма и последующих, более радикальных, постструктуралистских доктрин. В статье подробно обосновывается тезис, согласно которому сегодня тема дискурса претендует на роль своеобразного «гегемона», нередко диктующего участникам дискуссий характер и направленность аргументации. Обсуждение учеными различных аспектов политического господства, политических коммуникаций и образования не является в этом плане исключением. В процессе распространения данной тенденции становилось очевидным, что необходимой предпосылкой анализа языка политики оказывается понимание специфики различных его уровней — от «высокой» политической теории до личностных, субъективных характеристик.

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: «посттрадиционный порядок» и кризис идентичности».

Ключевые слова: гуманизм, рационализм, образование, историческая традиция, политическая теория, политический дискурс, либерализм, неолиберализм, постправда, трансгуманизм.

Гуманизм и гуманистическая социальная философия, безусловно, являются творением интеллектуалов. В классической античности, в основном в стоической философии, было сформулировано большинство основных терминов гуманистического мышления, таких как человеческое достоинство (*dignitas hominis*) и естественный закон (*lex naturae*), применимых к каждому человеку. Гуманизм раннего модерна, зародившийся в XIV–XV вв. в Италии и распространившийся по всей Европе, проявлял себя также в форме специализированных дисциплин — *humaniora* (предшественников академических дисциплин гуманитарных наук), сосредоточенных вокруг филологии. Его адептами были интеллектуалы нового типа, сведущие в интерпретации культурного наследия античности. Современная концепция гуманизма возникла в конце XVIII — начале XIX вв. В эпоху позднего Просвещения складывается идея культурной природы человечества, новых способов исторического, политического и образовательного мышления, которые до сих пор, по крайней мере частично, все еще сохраняют свое значение и довольно широко представлены в гуманитарных науках и образовании.

Гуманистическая традиция присутствует в различных концепциях гражданского общества, составляя основу таких универсальных ценностей, как свобода слова, верховенство права, равенство перед законом, религиозный плюрализм в рамках универсальной морали. В этом плане гуманизм имеет политическое измерение. Он изначально критиковал феодальные формы политического господства, отстаивал идею верховенства права, в том числе в рамках концепции прав человека и гражданина. Гуманизм явно противостоит любым авторитарным формам социальной жизни. И, наконец, в силу своей «ученой», или академической, природы он неотделим от нормативных представлений, связанных с поиском истины, утверждением правды (см. подробнее: [Rüsen, 2014, p. 70–87]).

В современном мире классический гуманизм резко контрастирует с политическими реалиями и идеями, превалирующими в социальных дискурсах, в том числе и в сфере социальных наук. В наши дни многие интеллектуалы, политики и ученые почти уверовали и считают непреложным факт, что мы все окончательно переместились в мир так называемой «постправды» и поэтому должны примириться с бесконечными потоками лжи, манипуляций, бессодержательной пропаганды, предельно примитивизирующей сложившиеся представления о рациональной политике, демократических нормах, и попытаться разработать новый понятийный аппарат и вокабуляр, отражающие новую реальность. Эта реальность совсем недавно была следующим образом и очень ярко обрисована в книге Венди Браун «На руинах неолиберализма: подъем антидемократической политики на Западе»: «Застигнув сами себя врасплох, крайне правые силы пришли к власти в либеральных демократиях по всему миру. Каждые выборы приносят новый шок: неонацисты в немецком парламенте, неофашисты в итальянском парламенте, брексит, инициированный таблоидной ксено-

фобией, рост белого национализма в Скандинавии, авторитарные режимы, формирующиеся в Турции и Восточной Европе, и, конечно же, трампизм. Рacistские, антиисламские и антисемитские ненавистничество и воинственность нарастают на улицах и в интернете, и вновь вступившие в коалицию ультраправые группы смело прорываются в светлое публичное пространство после многих лет, в течение которых они в основном скрывались в тени. Политиканы и политические победы придают смелости крайне правым движениям, которые, в свою очередь, приобретают изощренность в качестве политических дельцов и экспертов, фабрикующих обращения в социальных сетях. По мере того как количество новобранцев продолжает расти, центристы, базисные неолибералы и традиционные либералы и левые проявляют колебания. Возмущение, морализаторство, сатира и тщетные надежды на то, что внутренние фракции или скандалы в рядах правых приведут их к самоуничтожению, гораздо более распространены, чем серьезные стратегии борьбы с этими силами, опирающейся на убедительные альтернативы. У нас даже есть проблемы с наименованиями: что это — авторитаризм, фашизм, популизм, нелиберальная демократия, недемократический либерализм, правая плутократия? Или что-то другое? Неспособность предсказать, понять или эффективно противодействовать этим событиям отчасти объясняется вызывающими слепоту утверждениями о бессмертии западных ценностей и институтов, особенно прогресса, Просвещения и либеральной демократии. Частично же непонимание вызвано неизвестной прежде агломерацией элементов в среде возвышающихся правых — любопытной комбинацией либертарианства, морализма, авторитаризма, национализма, ненависти к государству, христианского консерватизма и расизма. Эти новые силы сочетают в себе знакомые элементы неолиберализма (лицензирование капитала, ограничение труда, демонизация социального государства и политики, нападки на равенство, провозглашение свободы) с их кажущимися противоположностями (национализм, принуждение к традиционной морали, популистский антиэлитизм и требования государственных решений экономических и социальных проблем). Они сочетают нравственную праведность с почти праздничным аморальным и нецивилизованным поведением. Они поддерживают власть, демонстрируя при этом беспрецедентную публичную социальную расторможенность и агрессию. Они негодуют против релятивизма, но также и против науки и разума, отвергают утверждения, основанные на доказательствах, рациональную аргументацию, достоверность и ответственность. Они презирают политиков и политику, демонстрируя при этом свирепую волю к власти и политические амбиции. Где мы?» [Brown, 2019, p. 1–2]

Характеристика В. Браун политических тенденций современного радикализма позволяет лучше понять, почему в политическом дискурсе понятия «постполитика» и «постправда» постепенно, но уверенно начинают вытеснять привычные для нас классические термины, универсальность которых прежде не вызвала сомнений (см. подробнее: [Block, 2019]). Вот как, например, характеризует эти недавно возникшие дискурсивные реалии И. Калпокас, автор новейшего исследования «Политическая теория постправды»: «Идея постправды становится все более важной для описания сегодняшней политической жизни,

в частности, и некоторых важных социальных изменений — в более широком смысле. Сама концепция предназначена для обозначения, в зависимости от интерпретации, верховенства непроверенных или полностью сфабрикованных заявлений в политических дебатах, отсутствие всеобщего уважения к истине в современных обществах, преобладание эмоций над знаниями и т. д. Фактически... “пост-состояние” заключается в более широких трансформациях, которые привели к тому, что дихотомия “истина — ложь” в значительной степени вытеснена» [Kalpokas, 2019, p. 9–10] (ср.: [Kalpokas, 2019b, passim]).

Разумеется, ничего нового в этом нет. История сравнительно недавних десятилетий повторяется вновь и вновь, и для того, чтобы это понять, не требуется особой эрудиции. Достаточно просто придерживаться фактов и здравого смысла и не гоняться за ложными призраками и новомодными медийными образами. В предисловии к содержательному международному сборнику статей и эссе «Постправда и медиатизация реальности» его редакторы Розмари Оувелл и Бретт Николз, характеризуя специфику понятия «постправда», в частности, отмечают: «Наш современный момент зациклен на арбитраже и артикуляции “реальности”. В самом спектре таких звонких словечек, как “фальшивые новости” и “постправда”, мы усматриваем судорожные попытки локализовать и зафиксировать некий тип универсального, неподвижного “реального”, лежащего в основе того, что позиционируется как “фальшивые” артикуляции и дискурс. В этом контексте порой кажется, что рациональность эпохи модерна была довольно рискованно отброшена и заменена странной формой мощной иррациональности, в которой трудно отличить иллюзорное от реального. Часто третейский суд в отношении реальности передается в руки средств массовой информации, а также ученых. Образованность и здравый смысл означают способность отличать настоящее от подделки. И все же именно СМИ и, опять-таки, некоторые академические круги (особенно после так называемого “постмодернистского поворота”) обвиняются в том, что они провоцируют очевидный кризис реальности» [Post-Truth and the Mediation of Reality, 2019, p. 1].

На наш взгляд, рассуждения Оувелл и Николз лишь развивают идеи, возникшие на рубеже 1960–1970-х годов, когда контуры «постмодернистского поворота» лишь намечались в западном политическом дискурсе. Не прошло и пяти лет после знаменитых майско-июньских событий 1968 г., как Ж. Бодрийяр был вынужден констатировать: «Теории масс-медиа не существует. “Революция массмедиа” до сих пор остается эмпиричной и мистической как у Маклюэна, так и у его противников... Здесь — ключ к решению проблемы: пытаюсь сохранить (даже “преодолевая их диалектически”) любую из обособленных инстанций структурной сетки коммуникации, мы запрещаем себе любые фундаментальные изменения и оказываемся обреченными оставаться в рамках хрупкой манипуляторной практики, которую весьма опасно принимать за “революционную стратегию”. В этом смысле единственной стратегией будет только та, с помощью которой возможно радикально победить господствующую форму» [Baudrillard, 1977, p. 200, 228] (см. также: [Baudrillard, 1983, p. 126–134]). Выводы, сделанные французским философом в книге «Симулякры и симуляция» (1981), уже предвосхищают практически все основные элементы современных

концепций «постправды»: «Я нигилист. Я констатирую, я соглашаюсь, я принимаю, я анализирую вторую революцию, революцию XX в., революцию постмодерна, которая является тотальным процессом деструкции смысла, равным предыдущей деструкции очевидного. То, что поражает смысл, от смысла и погибает. Диалектическая сцена, сцена критическая опустели. Сцены больше нет. Как нет и терапии смысла или терапии смыслом: терапия сама является частью общего процесса распространения индифферентности. Сцена самого анализа стала неопределенной, проблематичной: теории стали плавающими (фактически невозможен и нигилизм, так как он все же хоть и отчаянная, но детерминированная теория, имажинерия конца, *Weltanschauung* катастрофы). Сам анализ является, возможно, решающим фактором гигантского процесса обледенения смысла. Тот прирост смысла, который вносят теории, их конкуренция на уровне смысла абсолютно вторичны, сравнительно с их коалицией в обледеняющей, четырехуровневой операции по диссекции и транспарентности. Нужно четко осознавать, что, каким бы образом ни шел анализ, он движется в одном направлении — к обледенению смысла, он способствует прецессии симулякров и индифферентных форм. Пустыня разрастается. Имплозия смысла в медиа. Имплозия социального в массах. Бесконечное разрастание масс по мере ускорения системы. Энергетический тупик. Точка инерции» [Baudrillard, 1981, p. 229–230] (см. подробнее: [Genosko, 1999, *passim*; Evans, 2014, p. 54–72; Latouche, 2020, *passim*]).

В концептуальном плане различие между обозначенными выше теоретическими констатациями не выходит за рамки различия между понятиями «постмодернизм» и «пост-постмодернизм»: еще одна приставка «пост» в последнем — «это не столько маркер того, что постмодернизм, наконец, исчерпал свой срок хранения в запаснике теорий, сколько маркер того, что постмодернизм мутировал, преодолел определенный переломный момент, чтобы стать чем-то узнаваемым по своим контурам и эффектам, но в любом случае это не что-то абсолютно чуждое тому, что было раньше» [Nealon, 2012, p. X] (ср.: [Sarup, 1993, p. 143–144; Hickman, 2007, *passim*]). Так или иначе, но очередная мутация постмодернизма спровоцировала дальнейшую модификацию процесса, длящегося уже много десятилетий. Этот процесс можно обозначить как усиление деградации тех гуманистических ценностей, которые возникли в эпохи Европейского Ренессанса и Просвещения. В этом плане вряд ли является случайным то обстоятельство, что и на Западе, и в посткоммунистических странах восприятие постполитики и постправды имеет тенденцию перемещаться в другой, ставший сегодня довольно популярным, контекст споров о *пост- и трансгуманизме*. Дебаты о содержании этих понятий, безусловно, усиливают концептуальную путаницу. Сторонники этих направлений часто декларативно стремятся «реконцептуализировать» традиционный для гуманистической этики вопрос: «Что значит быть человеком?» Пытаясь дать на него ответ, оба направления, как правило, выходят за рамки классического гуманизма. По справедливому мнению ряда современных специалистов (Р. Раниш, С. Л. Соргнер и др.), в то время как трансгуманизм представляет собой более или менее согласованный набор техно-оптимистических идей, отстаиваемых многочисленными «транс-

гуманистическими» группами, постгуманизм — это весьма неоднозначное понятие. Если трансгуманизм обычно рассматривается как «гипергуманизм», т.е. попытка усилить и/или «довести до логического конца» традиционный гуманизм, то постгуманизм тяготеет к разрыву с последним. В последние годы постгуманизм служил общим термином для множества позиций, отвергающих основные гуманистические концепции и ценности под тем (явно надуманным) предлогом, что формирование «человеческих существ» якобы является «идеологически нагруженным», опасным или «патерналистским» (см. подробнее: [Post-and Transhumanism, 2014, passim]).

Возникают вполне естественные вопросы:

1. Действительно ли постгуманизм в любой его форме является исключительно новейшим явлением, порожденным очередной мутацией постмодерна?
2. Или же у этого современного явления имеются исторические аналоги и предпосылки?

Во введении к сборнику статей с характерным названием «Постгуманизм в эпоху гуманизма» один из его редакторов Эдгар Ландграф отмечает: «Постгуманизм — дискурс, часто понимаемый как прославление “конца человека”, — это не столько анти-гуманизм, сколько попытка критически исследовать статус человека как исключительного, автономного, стоящего вне сети отношений или даже как субъекта или объекта знания, соответствующего определенному набору практик. С этой точки зрения, постгуманизм может быть найден там, где его меньше всего ожидают, в том числе, в предполагаемых гуманизмах, в которых человеческое мышление сталкивается со своими ограничениями и пытается их преодолеть... В книге Стефана Хербрехтера “Постгуманизм: критический анализ” (2013) это побуждает к более внимательному изучению новизны некоторых центральных постгуманистических жестов. Хербрехтер упоминает, например, классическое исследование Джонатана Доллимора о Шекспире и культуре Возрождения. Еще в 1980-х годах Доллимор заметил, что “кризис субъективности” присутствовал в том, что он истолковывал как самое начало индивидуализма, то есть в раннем христианстве. Страхи и чувство отчуждения в отношении индивида (будь то политический деятель или “субъект”) являются составной частью современной западной культуры. С этой точки зрения постмодернистский крах западной субъективности — всего лишь еще одна мутация продолжающейся динамики, которая находит свое последнее воплощение в постгуманизме. Тем не менее постгуманизм часто смешивают с антигуманизмом: всего, что считается или считается гуманизмом, следует избегать, отвергать, отрицать. Таким образом, Иммануил Кант и научные, философские и литературные сочинения после Канта часто служат препятствиями, на которых постгуманистическая мысль пытается себя определить» [Posthumanism in the Age of Humanism, 2018, p. 1–2].

Последующая история явления, которое мы называем постгуманизмом, хорошо исследована Ричардом Вулиным в работе «Искушение безрассудства: интеллектуальный роман с фашизмом от Ницше до постмодернизма». Его ана-

лиз отчетливо показывает, что исторические истоки современного феномена постгуманизма восходят к контрреволюционной идеологии и философской полемике с наследием Великой французской революции и Просвещения, которая была инициирована на рубеже XVIII–XIX вв. в трудах «отцов-основателей» современного консерватизма — Жозефа де Местра и Луи де Бональда. «Одним из стержней программы Контрпросвещения, — отмечает Вулин, — была атака на предпосылки гуманизма. Бросив вызов божественной основе абсолютной монархии, неверующие философы вмешались в Великую Цепь Бытия, тем самым подорвав мораль и вызвав социальный хаос. Для анти-философов существовала линия преемственности между гуманизмом эпохи Возрождения, протестантской ересью и атеизмом эпохи Просвещения. В “Рассуждениях о Франции” (1797 г.) Местр стремился защитить уникальность исторических традиций от универсальных требований гуманизма Просвещения, кульминацией которых стала “Декларация прав человека и гражданина” от 20 августа 1789 г. Вполне в духе радикального номинализма французский роялист заметил, что он встречал французов, итальянцев, русских и даже персов (хотя бы в трудах Монтескье). Но “человечность” или “человек в целом”, как он утверждал, были плодом лихорадочного и разгоряченного философского воображения. “Человека” как такового не существует» [Wolin, 2004, p. 4–5].

После Второй мировой войны интеллектуальная атака на гуманизм стала одной из отличительных черт французского структурализма и последующих, более радикальных, постструктуралистских доктрин. Один из основателей этого направления Клод Леви-Стросс «стремился сделать антропологию полезной для целей культурной критики. Он весьма декларативно возлагал на западный гуманизм ответственность за ужасы XX века — тотальную войну, геноцид, колониализм, угрозу ядерного уничтожения, считая его преддверием последних. В интервью 1979 года он заметил: “Все трагедии, которые мы пережили, сначала с колониализмом, затем с фашизмом и, наконец, с концентрационными лагерями, все эти явления по своей форме не противостояли так называемому гуманизму и не находились в противоречии с ним..., но я бы сказал почти были его *естественным продолжением*”. Предвосхищая постструктуралистское кредо, Леви-Стросс далее провозглашал, что цель гуманитарных наук “состоит не в конституировании, а в растворении человека”. Отсюда всего несколько шагов до знаменитой нео-ницшеанской поговорки Мишеля Фуко о “смерти человека” в *Порядке вещей*. Для Леви-Стросса права человека были неразрывно связаны с идеологией западного гуманизма и, следовательно, этически несостоятельны. Он поддерживал полномасштабный культурный релятивизм (“каждая культура сделала ‘выбор’, который необходимо уважать”) и яростно выступал против межкультурной коммуникации. По его мнению, такой запрет является единственным способом сохранить плюрализм и разнообразие культур коренных народов... В 1960-е годы среди многих французских интеллектуалов культурный релятивизм пришел на смену либеральной добродетели “толерантности” — принципу, который оставался привязанным к нормам, требующим фундаментального уважения к человеческой целостности. В сочетании с вдохновляемой анти-гуманизмом ненавистью Запада к самому себе этический ре-

лятивизм породил не критический “третий мондиализм” (Third Worldism), кульминацией которого стало восторженное одобрение Фуко исламской революции в Иране. Поскольку “диктатура мулл” была анти-модернистской, анти-западной и анти-либеральной, она удовлетворяла *ex negativo* многим политическим критериям, которые сторонники “третьего мондиализма” стали рассматривать как “прогрессивные”. Точно так же нежелание Леви-Стросса проводить различие между прогрессивными и регрессивными направлениями политической современности — например, между демократией и фашизмом — представляет одну из опасных черт структурализма. Предпочитая “взгляд издалека” или *longue durée*, структуралисты, подобно анти-философам прошлого, очерняли человеческие способности сознания и воли. Вместо этого в их представлении история предстает как бессмысленная судьба, лишенная рифмы и разума, априорно относящаяся к сфере невразумительности...» [Wolin, 2004, p.5–7] (см. также: [Dosse, 1997, p.XIV; Foucault, 2002, p.46–50; Wolin, 2010; Buchanan, 2012, *passim*]).

Полемика Р.Вулина с политической идеологией К.Леви-Стросса и его наследников, а также вполне определенное стремление американского интеллектуального историка предельно сблизить структуралистский антигуманизм с антипрогрессизмом Ж.де Местра и Л.де Бональда являются совершенно оправданными еще в одном, отнюдь не второстепенном, аспекте: существенным элементом контрреволюционной теории раннего французского консерватизма была оригинальная философия языка, ставшая, до известной степени, предшественницей «лингвистического поворота» гуманитарных наук второй половины XX в. в направлении анализа специфики коммуникативных и риторических свойств текстов самого различного уровня. В наши дни одним из следствий этого поворота является резко повысившийся интерес авторов новейших работ в области политической лингвистики, политической текстологии, политической риторики и философии публичной политики к структурному анализу идеологических дискурсов (см. подробнее: [Riedner, 2015; Rolfe, 2016; *Philosophy and Political Engagement*, 2016; Thompson, 2016; *Rhetoric in Neoliberalism*, 2017]). Новые тенденции в социальных науках способствовали формированию предпосылок для нового этапа, который Т.Марттила определяет как «всеобщую “дискурсивизацию” академического сообщества» [Marttila, 2015, p. 1], являющуюся своеобразным отражением процесса «материализации дискурсов», в рамках которого риторика и вообще риторическое начало приобретают господствующее положение в современной политике.

В современных политических науках нет практически ни одной заслуживающей внимания проблемы, в которой отсутствовал бы «дискурсивный срез». Напротив, иногда возникает впечатление, что сегодня тема дискурса претендует на роль своеобразного «гегемона», нередко диктующего участникам дискуссий характер и направленность аргументации. Обсуждение учеными различных аспектов политического господства, политических коммуникаций и образования не являются в этом плане исключением. В процессе распространения данной тенденции становилось очевидным, что необходимой предпосылкой анализа языка политики является понимание специфики различных

его уровней — от «высокой» политической теории до личностных, субъективных характеристик. Например, в предисловии к международному сборнику статей с труднопереводимым на русский язык названием “The Power In/Of Language”, его редакторы Дейвид Коул и Линда Грехем следующим образом характеризуют некоторые субъективные моменты политической интерпретации в самом широком смысле этого понятия: «...Стратегии и тактики доминирования часто дискурсивны — они скрыты за слоями повседневного языка, способами говорить о других и, что интересно, также о “самих себе”. Поскольку мы думаем, что говорим только о себе — в расовых, националистических или культурных терминах, — мы не способны признать или принять тот факт, что разговор о себе на самом деле является способом определения и субъективизации других — тех, кого мы затем можем позиционировать как непохожих на “нас”. Таким образом, язык является мощным оружием, но, как и всякое другое оружие, язык может причинять боль и защищать. Нас интересуют не только дискурсивные тактики, используемые для позиционирования “другого”, но и подрывные эффекты творческих, целенаправленных и устойчивых ответов на эти тактики. Следовательно, ответы существуют, даже если их можно потенциально игнорировать, критиковать или преследовать. Таким образом, хотя, как утверждает Батлер, “имя имеет тенденцию фиксировать, блокировать, ограничивать”, сам акт разговора с кем-нибудь или о ком-нибудь также открывает пространство для языкового возврата, предоставляя тем, кого третируют, возможность для возражения и ниспровержения. Это право ответить на воздействие предоставляет маргинализированным группам радикальные возможности высказаться иным способом и тем самым оказать целенаправленное сопротивление» [The Power In/Of Language, 2012, p. I].

Все обозначенные выше вопросы в равной степени затрагивают и «образовательный контекст». В структуре современных дискуссий основным объектом анализа в области теории и философии образования обычно выступают различные версии и модели, сформировавшиеся в историческом контексте западной культурной традиции. Те ученые, которые пытаются (как правило, безуспешно) привлечь внимание своих коллег к изучению незападных образовательных традиций и технологий, заканчивают свои призывы привычными упреками по поводу их культурного и эпистемологического этноцентризма, не приводя при этом достаточно весомых доводов в пользу того, что изучение этих традиций может сколько-нибудь значительно изменить взгляды на формирование современных моделей образовательной политики (см., например: [Reagan, 2018, p. 7–8]). Благодаря устойчивому иммунитету к не-западным влияниям, европейская традиция по-прежнему сохраняет монолитность, оказавшись чрезвычайно устойчивой по отношению к многообразным изменениям политических режимов и идеологий. Например, трудно усомниться в том, что большинству западных специалистов, включая и тех из них, которые крайне негативно или же скептически воспринимают исторический опыт СССР, вряд ли когда-либо приходило в голову считать, что советская и тем более постсоветская образовательные модели являются «неевропейскими» и «незападными» по своему происхождению и характеру. Об этом, в частности, свидетельствуют

и издаваемые на Западе международные сборники и аналитические обзоры. В опубликованном в 2010 г. сборнике статей «Глобализация, идеология и политические реформы в сфере образования», его главный редактор Джозеф Дзайда отмечает: в 1982 г. в самый разгар холодной войны между двумя супердержавами появились четыре критических издания, в которых анализировались основные направления образовательной политики на будущие два десятилетия. Среди главных ее приоритетов фигурировали следующие: «(i) новые внутривнутриполитические стратегии (более всеобъемлющие, гибкие и инновационные способы обучения); (ii) преодоление “неприемлемых” социально-экономических диспропорций в сфере образования и различных видов неравенства; (iii) улучшение качества образования; (iv) гармонизация образования и культуры. Данные направления образовательной политики и педагогические проблемы до сих пор остаются в силе. Совсем недавно (в 2005 г.) президент Путин в своем сентябрьском обращении к парламенту провозгласил следующие четыре национальных приоритета в области образования, которые предусматривают создание сверхмощных национальных университетов: (i) улучшение качества образования; (ii) усиление ИКТ в образовании (*информатизация образования*); (iii) создание национальных университетов; (iv) развитие профессиональной подготовки в вооруженных силах» [Zajda, 2010, p. 175].

Оценивая общий характер путинских реформ в области образования, Д. Дзайда утверждает, что «по существу они являются идеологическими, поскольку в них по-прежнему делается упор на национальное строительство, национализм, патриотизм, глобальную конкурентоспособность. Хорошим примером возобновившейся идеологической акцентировки в сфере школьного образования является официально санкционированный процесс переписывания школьных исторических текстов, осуществляемый под надзором государства и министерства образования. По этой причине новые школьные учебники по истории становятся главным символом внедрения нового смысла национальной идентичности и патриотизма в России между 1992 и 2004 гг.» [Zajda, 2010, p. 175].

Именно таким простым способом один из наиболее известных западных специалистов в области образовательной политики легитимизирует преемственность новой российской образовательной политики и универсальной европейской традицией политического и гражданского образования. В плане дополнительного «доказательства от противного» можно также отметить, что восходящая к западной традиции советская модель легла в основу системы образования практически во всех входивших в СССР республиках, включая среднеазиатские. О том, что характер этой модели в начале XXI в. трансформируется в этом регионе крайне медленно, свидетельствуют, в частности, статьи, публикуемые среднеазиатскими учеными в западных специализированных изданиях. Возьмем, например, статью с очень характерным названием «Учителя, выживающие, чтобы учить: что именно подразумевается под постсоветским образованием и обществом в Таджикистане и Кыргызстане», опубликованную Сарфарозом Ниозовым и Душоном Шаматовым в том же сборнике под редакцией Д. Дзайды. И тональность статьи, и характер аргументации никого

не заставят прийти к выводу о том, что работа среднеазиатских ученых хотя бы в чем-то противоречит европейским традициям и научным канонам: «Крах СССР — одно из наиболее драматических событий XX века — ударил наиболее суровым образом по учителям, которые, как казалось, при коммунистическом режиме находились на вершине социальной лестницы. В новом рыночно-ориентированном постсоветском пространстве они были понижены в статусе, опустившись на самое дно в социальной иерархии. Столкнувшись с чудовищными экономическими, социальными и психологическими трудностями в жизни и работе, большое число учителей, чтобы хотя бы как-то существовать, становились торговцами, частично или полностью оставив свою учительскую профессию. Таким образом, для многих учителей торговля становится важным средством в их борьбе за существование. Иными словами, торговля не только предоставила учителям выход из их положения. Но она также стала профессией, воздействовавшей на их статус, позиции, ценности и аргументы в пользу того, чтобы продолжать учить. Их успех, равно как и растущее безразличие государственной бюрократии к их плачевному положению, заставили тех, кто остался в своей профессии, видеть в торговле и различных видах коммерции способ вырваться из нищеты, сохраняя при этом достоинство и продолжая также учить тому, чему они по разным причинам пребывали верны» [Niyozov, Shamatov, 2010, p. 153–154].

Хорошо известно, что исходным моментом, предопределившим глубокий кризис образования — среднего и высшего — в посткоммунистических странах, было повсеместное заимствование основных элементов и принципов так называемого болонского проекта, в основе которого лежал «бюрократический прагматизм» с ярко выраженным неолиберальным подтекстом. Как справедливо отмечал Торстен Нибом, «следует осознать тот факт, что Болонья, как и ЕВРО, — это прежде всего направленный сверху вниз политико-бюрократический проект, а не набор спонтанных инициатив, исходящих от академических кругов. Вот почему более циничные наблюдатели, возможно, будут склонны обнаруживать не академические, а в основном скрытые политические планы за внезапным и массовым болонским энтузиазмом, охватившим национальных и европейских политиков, бюрократов и лоббистов. Это может указывать на то, что главное преимущество Болонской схемы состоит в том, что она дает политикам возможность избежать риска принятия на себя непосредственной ответственности за ряд необходимых, но, вероятно, очень противоречивых реформ на национальном уровне, касающихся финансирования и платы за обучение, дифференциации, доступности, магистратуры и маркетинга. Напротив, непопулярные начинания могут и действительно были представлены как “неизбежные и логические последствия” Болонского процесса» [Nybom, 2012, p. 176].

В этом плане не кажется случайным, что одним из важных следствий, связанных с фактическим провалом неолиберальной болонской модели, стало стремление политических теоретиков вернуться к истокам теоретической дискуссии, инициированной Мишелем Фуко, обозначившим принципиальные различия между традиционным либерализмом эпохи модерна и неолиберальным

политическим проектом. Так, комментируя известный тезис Фуко — «Либерализм — это не мечта, которая сталкивается с реальностью и не может в нее встроиться. Он представляет собой — и в этом причина как его полиморфного характера, так и его повторяемости — инструмент для критики реальности» [The Foucault Effect, 1991, p. 18], — американский политолог Колин Гордон отмечал: «Теоретическая закрытость мира, представление о реальности как арене потенциально полного осуществления политической доктрины — это самая суть того, что либерализм, в отличие от политической науки и научного социализма, осуждает и отрицает. Это, конечно, не означает, что либеральные идеи не имеют реальных последствий. Если подлинно либерального общества нигде не существует, то это не потому, что либерализм — утопическая доктрина. Теперь мы признаем, что существует (или существовала) не только социалистическая мысль, но также “реально существующий социализм”, который может быть чем-то совершенно другим. То, что предпринимают некоторые из наших авторов, можно охарактеризовать как сопоставление и анализ проявлений того, что можно было бы назвать “реальным либерализмом”, несмотря на их сложные, диагональные и часто сбивающие с толку отношения с тем, что общепринятое мнение признает “истинными” либеральными принципами. Фуко — вместе с другими современными учеными — оспаривает неомарксистский тезис о некой предустановленной либеральной гармонии между политической юриспруденцией Джона Локка (гражданское общество, общественный договор и неприкосновенность индивидуальных прав собственности) и развиваемой теоретиками политической экономии концепцией коммерческого общества как своего рода казуистического синтеза, посредством которого либерализм XVIII века подготавливает философское оправдание капиталистическому присвоению прибавочной стоимости. Фуко рассматривает неомарксистскую интерпретацию как неправильное представление о месте права в либеральном мышлении. Либерализм, утверждает Фуко, “не родился из идеи политического общества, основанного на договорных отношениях”: если он предлагает преобразовать и ограничить нормативные акты государства в преимущественно законодательном формате, то это определяется: “вовсе не стремлением либерализма утвердить свое юридическое первородство как таковое, а потому, что право предусматривает общие формы вмешательства, которые исключают конкретные, индивидуальные исключительные меры, и потому, что участие управляемых в разработке такого права через парламент создает наиболее эффективную систему для управляемой экономики”» [The Foucault Effect, 1991, p. 18–19].

Напротив, «неолиберальный *homo economicus* — это одновременно реактивация и радикальная инверсия экономического актора, представленного в либерализме Адама Смита, Дэвида Юма или Адама Фергюсона. Реактивация заключается в постулировании фундаментальной способности человека к выбору, т.е. принципа, который позволяет экономическому расчету эффективно отбросить антропологические категории и рамки гуманитарных и социальных наук. Фуко показывает, что это следствие очень ярко проявляется в экономическом анализе преступности и предупреждения преступности Гэри Беккера,

которому удается полностью отказаться от характерных для этой области общих психологических или биологических предпосылок; здесь *homo economicus* вытесняет *homo criminalis* XIX века. Точно так же категория порядка лишается своей обычной руководящей роли в юридической мысли и получает новую интерпретацию в качестве *средства, обеспечивающего законопослушное поведение*, то есть товара, цена которого определяется уровнем эффективного общественного спроса. Беккер полагает разумным подсчитать количество преступлений, которые общество должно терпеть» [The Foucault Effect, 1991, p. 43].

Следует отметить, что многие авторы новейших исследований в области общей теории образования и дискурсивных проблем образовательной политики в целом поддерживают и развивают в концептуальном плане дихотомию «либерализм против неолиберализма», сформировавшуюся в обозначенных выше дискуссиях рубежа 1980–1990-х годов. Об этом, например, свидетельствует само название работы британского политолога Спироса Темелиса — «Критические размышления о языке неолиберализма в образовании: опасные слова и дискурсы вероятности» [Themelis, 2021]. В своем эссе «Неолиберализм как политический дискурс: политическая арифметика *Homo Oeconomicus*» новозеландский философ и выдающийся теоретик образования Майкл А. Питерс отмечает: «Сегодня теория дискурса и соответствующие подходы обычно используются в качестве методологий для объяснения поведения людей и событий, а также формирования публичной политики. Каким образом анализ дискурса становится второй натурой? Как дискурс становится предпочтительной формой политического разговора и анализа в фундаментальном движении от морального словаря социал-демократии к языку рационального выбора и рыночного языка? Мы можем быть уверены, что это не просто сдвиг в дискурсе, а скорее более глубокий сдвиг в философии, лежащей в основе языка и политической реальности, которая направляет исторический переход от либерализма к неолиберализму — скажем, *сдвиг в формах правительности*, отразившийся в возникающих неолиберальных дискурсах: философские дискурсы в форме доктрин, трактатов и академических работ по смежным дисциплинам — политической философии и политической экономии; заявления, партийные манифесты и политическая реклама; конференции, презентации и методические разработки, научные статьи и книги; и не в последнюю очередь политика, направленная на реализацию и конкретное выражение и применение ряда связанных идей для реконструкции общества как экономики... Деконструируя неолиберальный дискурс в общих чертах, мы можем сказать, что приверженность свободному рынку включает в себя два набора требований: (i) требования эффективности рынка как превосходного мобильного механизма распределения ограниченных государственных ресурсов; и (ii) декларативные заявления относительно рынка как высшей с моральной точки зрения формы политической экономии. Это простое, исторически наивное и нерелективное возрождение *homo oeconomicus* предполагает возврат к грубой форме индивидуализма, который является конкурентным, «собственническим» и часто истолковывается в терминах «потребительского суверенитета» («потребитель — король»). Тем самым аргумент общественного выбора состоит в том, чтобы осуществить ре-

организацию публичных служб, сделав их ориентированными на потребителя, например сделать студента потребителем образования или гражданина — потребителем здоровья. Это также означает, что данные виды услуг могут быть легко приватизированы и маркетизированы [Peters, 2021, p. 70, 74–75].

Учитывая саму тенденцию к постоянным трансформациям неолиберального дискурса, адепты которого стремятся усилить свои позиции с помощью давно апробированных манипулятивных технологий, объединяя рыночную риторику с режимом постправды, вполне обоснованными и логичными кажутся довольно часто встречающиеся в современной научной литературе рассуждения о том, что в ближайшей перспективе такого рода устремления грозят окончательно разрушить не только традиционную европейскую образовательную систему, но и саму *традицию рациональной политики*. О таком драматическом финале предупреждал в самом начале нашего столетия Джорджо Агамбен. «В то время как государство, — отмечает итальянский философ, — будучи в упадке, позволяет своей пустой оболочке выживать повсюду как чистой структуре суверенитета и господства, общество в целом вместо этого безвозвратно перемещается в форму общества потребления, т.е. общества, в котором единственной целью производства является комфортная жизнь. Теоретики политического суверенитета, такие как Шмитт, видят во всем этом вернейший признак конца политики. И планетарные массы потребителей, по сути, не предвещают появления какого-либо нового образа полиса (даже если они не начинают просто предаваться старым этническим и религиозным идеалам)» [Agamben, 2000, p. 112–113] (см. также: [Jacoby, 1999, p. 67 sq.; Jacoby, 2020 passim; Lechner, 1997, p. 171–172]).

Но не так уж редко мы сталкиваемся и с другим, на первый взгляд, «компромиссным» подходом. Смысл его заключается в том, чтобы, признав политику постправды «безальтернативной» (по крайней мере, на сегодняшний день), радикально пересмотреть традицию нормативной политики, избавившись, например, от концепции общественного договора и тому подобных фикций, которым современные либералы предпочитают, пусть несколько формально, но по-прежнему демонстрировать «дань уважения». Подобная тенденция хорошо просматривается, в частности, в работе Илана Цви Барона «Как спасти политику в эпоху постправды». «Во-первых, — отмечает он, — либеральная традиция пыталась использовать неправильные инструменты и тем самым предлагала нам искать политику в неправильных местах. Излишне настойчиво провоцируя дискуссию о политике, конечной целью которой является устранение политики, господствующая политическая теория стремилась снабдить нас ложным нормативным языком для того, чтобы справиться с одним из наиболее настоятельных вызовов. Разумеется, случалось иногда добиваться успеха, и традиция пока остается влиятельной и важной в интеллектуальном плане. Однако необходимо признать наше заблуждение, если, сталкиваясь с вызовом жить в мире постправды, в котором становится все труднее и труднее обнаружить позитивное место для политики, мы действительно хотим обеспечить реальные нормативные решения... Иными словами, провал политики можно понимать как коррелят либерального иллюзорного представления, согласно которому поли-

тика является договорным актом, составляющим основание для наших нормативных стремлений к поиску универсальных правил» [Zvi Baron, 2018, p. 53].

При всем нашем неприятии позиции И. Цви Барона в чисто теоретическом плане, следует отметить, что в ней все же можно найти одно рациональное зерно, на котором британский политолог не акцентирует внимания в своей книге. Сделав окончательную ставку на режим манипуляций и постправды, современные неолиберальные теоретики и политики одновременно, как уже отмечалось выше, предельно бюрократизируют образовательные структуры и процессы, пренебрегая при этом «макроидеологической составляющей», поскольку они инстинктивно всегда осознавали несовместимость весьма традиционной рыночной идеологии и психологии с программой воспитания «нового человека», которую свое время тщетно пытались реализовать в ходе многочисленных экспериментов большевики, а в дальнейшем идеологи и практики итальянского и немецкого фашизма (см. подробнее: [Gentile, 2014, passim]). Даже если не принимать во внимание многочисленные версии «либерального фашизма», одним из родоначальников которой был Теодор Адорно¹, можно предположить, что в не столь отдаленном будущем неолиберальную модель «маркетизации образования» ожидает такой же бесславный конец и гуманистическая традиция вновь займет доминирующие позиции в школьных и университетских программах.

Литература/References

- Adorno Th. W. *Jargon der Eigentlichkeit: zur deutschen Ideologie*. Frankfurt am Main: Edition Suhrkamp, 1997. 141 S.
- Agamben G. *Means without End: Notes on Politics*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2000. 153 p.
- Baudrillard J. *Pour une critique de l'économie politique du signe*. Paris: Gallimard, 1977. 268 p.
- Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris: Editions Galilée, 1981. 235 p.
- Baudrillard J. The Ecstasy of Communication. *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture*, ed. by Hal Foster. Port Townsend, Washington: Bay Press, 1983, pp. 126–134.
- Block D. *Post-Truth and Political Discourse*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 130 p.
- Brown W. *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. New York: Columbia University Press, 2019. 264 p.
- Buchanan T. *East Wind: China and the British Left, 1925–1976*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 250 p.
- Dosse F. *History of Structuralism. Vol. I: The Rising Sign*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1997. 458 p.
- Evans M. *The Singular Politics of Derrida and Baudrillard*. London: Palgrave Macmillan, 2014. 102 p.
- Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London; New York: Routledge, 2002. 422 p.
- Genosko G. *McLuhan and Baudrillard: The Masters of Implosion*. London; New York: Routledge, 1999. 160 p.
- Gentile E. *L'apocalisse della modernità. La Grande guerra per l'uomo nuovo*. Milano: Mondadori, 2014. 308 p.

¹ «Либерализм, — писал Адорно, — создавший культуриндіустрию... был родоначальником фашизма, который растоптал и его самого, и его более поздних партнеров (Interessenten)» [Adorno, 1997, p. 39].

Hickman L. A. *Pragmatism as Post-postmodernism: Lessons from John Dewey*. New York: Fordham University Press, 2007. 284 p.

Jacoby R. *The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy*. New York: Basic Books, 1999. 236 p.

Jacoby R. *On Diversity: The Eclipse of the Individual in a Global Era*. New York: Seven Stories Press, 2020. 240 p.

Kalpokas I. A. *Political Theory of Post-Truth*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019a. 135 p.

Kalpokas I. *Algorithmic Governance: Politics and Law in the Post-Human Era*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019b. 120 p.

Latouche S. *Quel che resta di Baudrillard*. Torino: Bollati Boringhieri, 2021. 256 p.

Lechner N. Politics in Retreat: Redrawing Our Political Maps. *End of Politics?: Explorations into Modern Antipolitics*, ed. by Andreas Schedler. London: Palgrave Macmillan, 1997, pp. 168–184.

Marttila T. *Post-Foundational Discourse Analysis. From Political Difference to Empirical Research*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 238 p.

Nealon J. Th. *Post-postmodernism, or, the Logic of Just-in-Time Capitalism*. Stanford, California: Stanford University Press, 2012. 241 p.

Niyozov S., Shamatov D. Teachers Surviving to Teach: Implications for Post-Soviet Education and Society in Tajikistan and Kyrgyzstan. *Globalisation, Ideology and Education Policy Reforms*, ed. by Joseph Zajda. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer, 2010, pp. 153–174.

Nybom Th. The Disintegration of Higher Education in Europe, 1970–2010: A Post-Humboldtian Essay. *Clark Kerr's World of Higher Education Reaches the 21st Century. Chapters in a Special History*, ed. by Sheldon Rothblatt. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer, 2012, pp. 163–182.

Peters M. A. Neoliberalism as Political Discourse: The Political Arithmetic of Homo Oeconomicus. *The Impacts of Neoliberal Discourse and Language in Education: Critical Perspectives on a Rhetoric of Equality, Well-Being, and Justice*, ed. by Mitja Sardoč. New York; London: Routledge, 2021, pp. 69–85.

Philosophy and Political Engagement. Reflection in the Public Sphere, ed. by A. Fives, K. Breen. London: Palgrave Macmillan, 2016. 275 p.

Post-and Transhumanism: An Introduction, ed. by Robert Ranish, Stefan Lorenz Sorgner. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 313 p.

Posthumanism in the Age of Humanism: Mind, Matter, and the Life Sciences after Kant, ed. by Edgar Landgraf, Gabriel Trop, Leif Weatherby. New York; London: Bloomsbury Academic, 2018. 352 p.

Post-Truth and the Mediation of Reality: New Conjunctures, ed. by Rosemary Overell and Brett Nicholls. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 215 p.

Reagan T. *Non-Western Educational Traditions: Local Approaches to Thought and Practice*. 4th ed. New York; London: Routledge, 2018. 372 p.

Rhetoric in Neoliberalism, ed. by Kim Hong Nguyen. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2017. 234 p.

Riedner R. C. *Writing Neoliberal Values. Rhetorical Connectivities and Globalized Capitalism*. London: Palgrave Macmillan, 2015. 162 p.

Rolfe M. *The Reinvention of Populist Rhetoric in the Digital Age. Insiders & Outsiders in Democratic Politics*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2016. 259 p.

Rüsen J. Intercultural Humanism: Idea and Reality. *An Insatiable Dialectic: Essays on Critique, Modernity, and Humanism*, ed. by Roberto Cantú. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 70–87.

Sarup M. *An Introductory Guide to Post-Structuralism and Postmodernism*. 2nd ed. New York: Harvester Wheatsheaf, 1993. 240 p.

Themelis S. *Critical Reflections on the Language of Neoliberalism in Education: Dangerous Words and Discourses of Possibility*. New York; London: Routledge, 2021. 246 p.

The Foucault Effect: Studies in Governmentality, ed. by Graham Burchell, Colin Gordon, Peter Miller. Chicago: Chicago University of Chicago Press 1991. 307 p.

The Power In/Of Language, ed. by David R. Cole and Linda J. Graham. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 168 p.

Thompson M. *Enough Said. What's Gone Wrong with the Language of Politics?* New York: St. Martin's Press, 2016. 352 p.

Wolin R. *The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 375 p.

Wolin R. *The Wind from the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2010. 391 p.

Zajda J. The Politics of Education Reforms and Policy Shifts in the Russian Federation. *Globalisation, Ideology and Education Policy Reforms* / ed. by Joseph Zajda. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer, 2010, pp. 175–192.

Zvi Baron I. *How to Save Politics in a Post-Truth Era: Thinking through Difficult Times*. Manchester: Manchester University Press, 2018. 230 p.

Гуторов Владимир Александрович — д-р филос. наук; gut-50@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 6 июля 2021 г.;

рекомендована к печати: 26 июля 2021 г.

Для цитирования: Гуторов В. А. Постправда и неолиберализм как факторы кризиса гуманистической традиции и образования: о некоторых дискурсивных аспектах современных теоретических дискуссий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 3. С. 228–245. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.301>

POST-TRUTH AND NEOLIBERALISM AS FACTORS OF THE CRISIS OF THE HUMANISTIC TRADITION AND EDUCATION: SOME DISCURSIVE ASPECTS OF MODERN THEORETICAL DISCUSSIONS*

Vladimir A. Gutorov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; gut-50@mail.ru

The article analyzes the results of the latest theoretical discussions in Western political theory, whose participants explore the specific features of the formation of the neoliberal discourse of “post-truth” that destroys the traditions of rational politics and the foundations of the humanistic paradigm of education that emerged during the European Renaissance and Enlightenment. In the modern world, classical humanism contrasts sharply with political realities and ideas prevailing in social discourses, including in the field of social sciences. Nowadays, many intellectuals, politicians and scientists consider it an almost immutable fact that we have all finally transitioned to the world of “post-truth” and “post-humanism”. Therefore, we must come to terms with endless streams of lies, manipulations, meaningless propaganda that significantly primitivize the prevailing ideas about democratic norms and institutions and try to develop a conceptual apparatus that reflects the new reality. At the same time, modern concepts of post-truth in many of their aspects develop ideas that arose at the turn of the 1960s — 1970s, when the contours of the “post-modern turn” were only outlined in Western political discourse. Moreover, the historical origins of the modern phenomenon of post-humanism go back to counter-revolutionary ideology and philosophical controversy with the legacy of the French Revolution and the Enlightenment, which was

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project no. 21-011-31167 “Neoliberalism in modern political discourse: ‘post-traditional order’ and the crisis of identity”.

initiated at the turn of the 18th — 19th centuries in the works of the “founding fathers” of modern conservatism — Joseph de Maistre and Louis de Bonald. After World War II, an intellectual assault on humanism became one of the hallmarks of French structuralism and subsequent more radical post-structuralist doctrines. The article substantiates in detail the thesis that today the topic of discourse claims to be a kind of “hegemon”, often dictating to the participants in discussions the nature and direction of the argumentation. Scientists’ disputes on various aspects of political dominance, political communication and education are no exception in this regard. In the process of dispersing this trend, it became obvious that a necessary prerequisite for analyzing the language of politics is an understanding of the specifics of its various levels — from “high” political theory to personal, subjective characteristics.

Keywords: humanism, rationalism, education, historical tradition, political theory, political discourse, liberalism, neoliberalism, post-truth, trans-humanism.

Received: July 6, 2021

Accepted: July 26, 2021

For citation: Gutorov V. A. Post-truth and neoliberalism as factors of the crisis of the humanistic tradition and education: Some discursive aspects of modern theoretical discussions. *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 228–245. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.301> (In Russian)